

В. В. Цуркан

**ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1**

В. В. Цуркан¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
veravts2013@yandex.ru*

КОНЦЕПТ «ДРУГОЙ» В РОМАНЕ А. БИТОВА «УЛЕТАЮЩИЙ МОНАХОВ»²

Концепт «Другой», являющийся органичной частью мировосприятия А. Битова, не получил достаточно серьезного освещения в работах современных литературоведов (отдельные замечания о данном феномене можно встретить в монографии Э. Чансес). Автор статьи пытается восполнить данный пробел, анализируя особенности репрезентации концепта в романе «Улетающий Монахов». Концепт «Другой» в соответствии с учением Ж. Делеза и Ф. Гваттари рассматривается в статье в нескольких вариантах: как субъект, объект и как «возможный мир». Изучение структуры и семантики концепта позволяет сделать вывод о Другом как необходимом условии осмысления «Я» автором и героями, несущими в романе бремя «невоплощенности». Характер их отношений с Другим объясняется стремлением вынести суждение о себе, познать свою личность, нивелировать фиктивность собственного существования. В статье рассматриваются образные, метафорические, символические и аксиологические составляющие концепта, представленные в образах «близнецов», «двойников», «братских рифм» и подобию, постигаемых Монаховым либо как «иное», либо как «свое». Подчеркивается роль принципа зеркальности, позволяющего автору продуцировать разнообразные версии судьбы главного героя и его возлюбленных. Не менее значимыми представляется анализ влияния феномена Другого на процесс авторской самоидентификации. В роли дублета самости писателя выступает сознание героя романа, тексты, созданные А. Битовым ранее, а также послепушкинская русская словесность,

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

²Статья посвящена юбилею МГТУ им. Г. И. Носова

которая представлена в «Улетающем Монахе» как серия «бледных оттисков» и копий.

Ключевые слова: А. Битов, концептный анализ, Другой, иной, двойник, близнец, возможный мир, сознание, идентичность

«Другой» – один из актуальных концептов современной филологии и культурологии. Философия устанавливает за Другим статус понятия, фиксирующего «некоторый опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей тем не менее Иное по отношению к Я» [6, 672].

Концепт «Другой» значим для битовской прозы. Интерес писателя к данному феномену был связан как со стечением биографических обстоятельств, обусловивших специфический взгляд художника «в себя», так и тенденцией к десубъективации искусства, своеобразно развивавшейся в период «оттепели». Концепт «Другой» органично вписывался в прозу А. Битова и на рубеже 1960-1970-х гг., взаимодействуя с концептами «Война», «Смерть», «Память», «Детство» (изучению указанных концептов посвящен ряд статей [9; 11]). В неустанном стремлении постичь иное существование, «в крошечном этом усилии», указывал А. Битов, индивид часто постигает лишь свое. Вместе с тем, «нет ничего благороднее и необходимее человеческого сознания, чем это буксующее усилие» [2, 352].

В романе «Улетающий Монах» своеобразной точкой отсчета для изучения понятия «Другой» являются варианты заглавий, которые автор подбирал для англоязычного издания произведения: «Любовник», «Близнец», «Двойник». «Все они являются наименованиями человека в его отношении к «другому» человеку, – отмечает исследователь Э. Чансес. – Такие термины, как «близнец» или «двойник», указывают на наличие другого человека, который одновременно и является, и не является нами» [12, 146].

Своеобразие структуры концепта «Другой» обусловлено тем, что в «Улетающем Монахе» почти нет героев, которые не являются чьими-либо отражениями, двойниками, даже если речь идет о второстепенных персонажах (например, некто Сергей Владимирович «очень похож на Бунина» [3, 104]). Наибольшее количество подобий возникает в новелле «Лес», в которой Алексей Монахов, идентифицируя себя, «смотрит в глаза другому или глазами другого» [1, 312]. Подобный тип отношений складывается у героя с «похожим на утенка» Ленечкой («...тянется ко мне как к брату... «Как к отцу», – слезливо подумал Монахов» [3, 171]). Необъяснимая связь с «призывного возраста малым» [3, 155] приводит Монахова

подчас к полной ассимиляции с ним: «Секунду назад он был Ленечкой, сидел на его стуле, разглядывал Наталью» [3, 171]. Еще одной «братской рифмой» героя становится писатель Зябликов. «Приземистый одутловатый, небритый, почти как с бородой, в мятой, нечистой рубахе и сандалиях на босу ногу» [3, 152] автор детских книг о природе, на первый взгляд, не имеет ничего общего с успешным столичным жителем, недавно обзаведшимся «молодой квартирой» и «новенькой женой» [3, 142]. Тем не менее, Зябликов «сильно нравился Монахову, и Монахов старался ему понравиться и проявить ум, постоянно поскальзываясь на своих неточностях» [3, 160]. «Карнавальные» подобию (Ленечка и Зябликов) проецируются на жизнь битовского героя: первый напоминает невинного юношу из рассказа «Сад», второй – полностью утратившего себя Монахова из рассказа «Вкус».

В «тавтологичной» реальности романа каждый персонаж потенциально занимает место другого, в том числе и Наталья, которая была бы «суждена» Монахову «будь он самим собою, а не чем он стал» [3, 160]. Именно она отмечает неприятную «схожесть» своих ухажеров: Зябликов ассоциируется у девушки с «моргом», в Монахове ею угадывается «мертвый ребенок» [3, 160]. Семантическое поле концепта постепенно охватывает как прошлое (благодаря параллели между Монаховым, флиртующим с Натальей, и мастером оптического завода, когда-то ухаживавшим за Асей), так и будущее (в финале «Леса» появляется двойник Ленечки – молодой солдатик, убитый винтом самолета). Копии в романе множатся. Так, женщины Монахова являют Другого одновременно, ибо каждая из них (и Наталья, и Светочка, и не названная по имени вторая жена) являются вариантами первой возлюбленной – Аси, которую герой не в состоянии перестать воспроизводить во все новых обликах.

Зачем А. Битову такое количество проекций, уводящих от индивидуально-неповторимого облика персонажей, если все они сводятся в конечном счете к единому инварианту? Ж. Делез и Ф. Гваттари писали: «Другой – это дублет самости. «Концепт Другого» – «концепт иного, субъекта, представляющего как объект, особенный по отношению ко мне <...>. Грубо говоря, мы рассматриваем некоторое поле опыта, взятое как реальный мир, не по отношению к некоторому «я», а по отношению к простому «наличествуванию». В некоторый момент наличествует тихо и спокойно пребывающий мир. И вдруг возникает испуганное лицо, которое смотрит наружу, за пределы этого поля. Здесь Другой

предстает не как субъект или объект, а совсем иначе – как возможный мир, как возможность некоего пугающего мира. <...> Другой – это возможный мир, каким он существует в выражающем его лице, каким он осуществляется в придающей ему реальность речи. В этом смысле он является концептом трех неразделимых составляющих – возможный мир, существующее лицо и реальный язык, то есть речь» [5].

Двойники Монахова и есть его «возможные миры». Для писателя существенно то, что Другим для себя является и сам Монахов, выступающий в разных «ролях» (один из первых вариантов заглавия романа – «Роль. Роман-пунктир»). Данная метафора аккумулирует социально-культурные, психологические и философские смыслы концепта «Другой». Роли Монахова изменяются по мере того, как жизнь его пишет очередной круг. В первом рассказе, подобно Ленечке, он явлен в облике «мальчика», обманутого взрослой женщиной, во втором – играет роль любовника Аси, в третьем – заботливого отца: «А ведь я играю... Я ведь роль играю. И до чего же плохая написана для меня роль!» [3, 119]. Э. Чансес полагает, что Монахов «прежде всего исполняет роль героя романа Достоевского» [12, 167]. Ася тоже исполняет «как бы подготовительную к финальной сцене роль» [3, 168]. Осознавая себя участниками нелепого спектакля, персонажи романа не в состоянии ответить на вопрос, кто «сличает их действия с уже написанной ролью» [3, 119]. Режиссер этой драмы, безусловно, знает намного больше своих героев. «Чудится ему невидимая, громадная рука, тянущаяся с неба – стыдливо-ироничный знак большой внутренней тревоги. Мысли о готовности и неготовности к последнему ответу не покидают его», – замечает И. Роднянская [8, 15].

Ведомый писателем, Монахов догадывается, что, кроме спектакля, есть другая жизнь, «главная и живая», но она остается где-то в стороне. Герою снится «толпа с мертвыми лицами», а когда он просыпается, «не чувствует ни рук, ни ног, <...> будто мертвый» [3, 169]. Не раз Монахов «проваливается» в небитие: «Вот тогда я умер, когда не умер, – спокойно успел подумать он. – Вот тогда и погиб, когда не погиб...» [3, 173]. В финале «Леса» «обызвествленную» монаховскую душу обмывает «живой ток» [3, 185] последних сил его умирающего отца. Однако «последняя капля жизни» не спасает, и отцовская жизнь «продолжается вне сына его» [3, 185]. Таким образом, концепт «Другой», соотнесенный с концептом «Смерть», вбирает в себя семантику зла и страдания (на связь феномена двойничества с архаическими представлениями о смерти указывала О. Фрейденберг [10]).

Поставив Монахова лицом к лицу с его «близнецами», А. Битов в определенном смысле получает в нем своего Другого. И дело здесь вовсе не в том, что он «дарит» факты собственной биографии персонажам романа (например, чтение Ленечкой «присвоенных» им чужих стихов напоминает о поступке начинающего писателя при поступлении в ленинградское литературное объединение). Фразу «застиг себя», адресованную Монахову, автор с полным правом мог отнести к себе. Механизм «развенчания как завуалированного утверждения во фрейдовско-лакановском варианте» [4, 156] наглядно продемонстрирован в рассказе «Сад», когда юный Монахов, читая роман «Моби Дик» Г. Мелвилла, понимает, что «только тогда можно насладиться теплом, когда какой-нибудь небольшой участок тела остается в холоде, ибо нет такого качества в нашем мире, которое продолжало бы существовать вне контраста. Ничто не существует само по себе» [3, 115]. Пытаясь приблизиться к обретению подлинно гармоничного существования, А. Битов, как и его герой, апеллирует к чувствам, которые «в нас и выше нас» [3, 122], но в то же время сомневается в истинности высших ценностей: «ведь если говорить всерьез, то <...> это все было мимо, мимо» [3, 195].

В роли Другого в романе выступает и мировая литература: тексты из Библии, Данте, А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Б. Пастернака. Битовское отношение к культурной традиции во многом противоречиво. Соглашаясь с писателями-классиками, автор в пространном отступлении объясняет мотивы «изничтожения» скомпрометировавшего себя героя: «Нельзя оставлять их (героев – В. Ц.) после себя, развращенных тою свободою, которая возможна лишь на страницах . <...> Но если вы не сторонник кровожадного романтизма, а, так сказать, уже поддавшись демократическим тенденциям, отдаете предпочтение натуральной школе, то <...> тогда есть способ выпустить вашего героя <...> за пределы художественности и обложки, свергнуть его на уровень второстепенного, унизить его, после недолгой центральности, довести до такого ничтожества и праха» [3, 200]. «Низвергнутый» автором Монахов навсегда покидает Ташкент. Катастрофическое раздвоение его сознания подчеркнуто ремаркой: «улетающий Монахов отличался от остающегося <...> снисходительной смелостью всех движений» [3, 144]. Синонимами лексемы «улетать» в словаре С. И. Ожегова являются понятия «исчезнуть», «миновать» [7, 674]. Эти смыслы близки последнему желанию Монахова «затеряться среди людей, раствориться в них, слиться, уподобиться, сравняться...» [3, 184].

Тотальный процесс исчезновения и угасания переносится А. Битовым на русскую литературу, которая тоже начинает штамповать копии «первого раза». Не случайно заголовки «Отдаленное сходство», «Отрывок», «Тень» фигурировали среди названий заключительной новеллы романа. Двумя поллюсами, создающими поле напряжения в рассказе «Вкус», становятся персонические концепты «Пушкин» и «Пастернак» (второй гений в понимании Монахова «хуже Пушкина» [3, 200]). А. Битов ведет дуэль с самым «расположенным во времени» к себе русским классиком. На творчество Б. Пастернака возлагается вина за истощение переделкинского пейзажа: «Кто-то употребил, выпил эту природу, так что Монахову она не досталась» [3, 191]. Цитируемые в финале пастернаковские строки звучат как похоронный звон по жизни героя. Серией бледных оттисков и копий видится писателю вся послепушкинская литература. Вина за ее «упадок» возлагается на деятельность не «изничтоженных» классиками Других – литературных героев: «Боже упаси! Не с этим ли мы отчасти имеем дело? Разбредутся и еще в свою очередь напишут, а те, уже их герои, в свою очередь напишут...» [3, 200]. Явление угасания процесса создания текста писатель распространяет и на собственное творчество (в «Улетающем Монахове» нередко воспроизводятся мотивы, цитаты и названия из ранее созданных битовских сочинений). Свою «второстепенность» вслед за Зеноном автор оправдывает тем, что «опоздавшие гении» никогда не смогут догнать тех, кто вышел раньше.

Тем не менее, А. Битов убежден, что, даже заблудившись в бесконечных кольцах подражаний классическим образцам, подлинный художник способен осознать Иное как часть многоликого Я и выйти за рамки соревнования. Вступая в общение с Другими, вмешиваясь в ход вещей, формируя свою идентичность, он сможет ощутить то индивидуальное и одинокое чувство, которое «роднит нас с миром и оно же делает одного человека отличным от другого» [2, 143].

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Битов, А. Г. Новые сведения о человеке: Роман. Повести / А. Г. Битов. – М.: Эксмо, 2005. – 528 с.
3. Битов, А.Г. Империя в четырех измерениях/ А. Г. Битов. – М.: Фортунa Лимитед, 2002. – 784 с.

В. В. Цуркан

4. Большев, А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века / А. О. Большев. – СПб.: Филол. ф-т СПб. гос. ун-та, 2002. – 171 с.

5. Делез, Жиль, Гваттари, Феликс. Что такое философия? [Электронный ресурс] / Жиль Делез, Феликс Гваттари; Пер. с франц. С. Н. Зенкин. – СПб.: Алетейя, 1998. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/delez_philosophy/ch01_ii.html.

6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – 744 с.

7. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

8. Роднянская, И. Б. Новые сведения о человеке / И. Б. Роднянская // А. Г. Битов Обоснованная ревность. Повести. – М.: Панорама, 1998. – С. 6–20.

9. Рудакова, С. В., Цуркан, В. В. Концепт «война» в прозе А. Битова / С. В. Рудакова, В. В. Цуркан // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – №3. – С.53–58.

10. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

11. Цуркан, В. В. Концептуальная оппозиция «жизнь-смерть» в постмодернистской пушкинистике 1960-1970-х гг. / В. В. Цуркан // Libri Magistri. – 2017. – Вып.4. – С. 29–35.

12. Чансес, Эллен. Андрей Битов: Экология вдохновения / Эллен Чансес. – СПб.: Академический проект, 2006. – 320 с.

References

1. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – Moscow: Iskusstvo. 1979. – 424 s.

2. Bitov, A. G. Novyye svedeniya o cheloveke: Roman. Povesti. – Moscow: Eksmo. 2005. – 528 s.

3. Bitov, A. G. Imperiya v chetyrekh izmereniyakh. – Moscow: Fortuna Limited, 2002. – 784 s.

4. Bolshev, A. O. Ispovedalno-avtobiograficheskoye nachalo v russkoy proze vtoroy poloviny XX veka. – Saint-Petersburg: Filol. f-t S.-Pb. gos. un-ta, 2002. – 171 s.

5. Delez, Zhil', Gvattari, Feliks. Shto takoe filosofiya? [Ehlektronnyy resurs] / Zhil' Delez, Feliks Gvattari; Per. s franc. S. N. Zenkin. – Saint-Petersburg: Aletejya, 1998. – Rezhim dostupa: http://society.polbu.ru/delez_philosophy/ch01_ii.html

6. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 tomakh. – Moscow: Mysl, 2010. – T. 1. –744 s.
7. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. – Moscow: AZ, 1995. – 928 s.
8. Rodnyanskaya, I.B. Novyye svedeniya o cheloveke //A. G. Bitov Obosnovannaya revnost. Povesti. – Moscow: Panorama, 1998. – S. 6–20.
9. Rudakova, S. V., Tsurkan, V. V. Kontsept «voyna» v proze A. Bitova // Gumanitarno-pedagogicheskiye issledovaniya. – 2018. – T. 2. – №3. – S.53-58.
10. Freydenberg, O.M. Poetika syuzheta i zhanra. – Moscow: Labirint, 1997. – 448 s.
11. Tsurkan, V.V. Kontseptualnaya oppozitsiya «zhizn-smert» v postmodernistkoy pushkinistike 1960-1970-kh gg // Libri Magistri. – 2017. – Vyp.4. – S. 29-35.
12. Chances, Ellen. Andrey Bitov: Ekologiya vdokhnoveniya. – Saint-Petersburg: Akademicheskij proyekt, 2006. – 320 s.

BITOV'S NOVEL «ULETAJUSCHIY MONAKHOV»:
THE «OTHER» CONCEPT

V. V. Tsurkan

Assistant Professor, Candidate of Philology,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The concept of "the Other", which is an organic part of A. Bitov's worldview, has not received enough serious coverage in the works of modern literary critics (some comments about this phenomenon can be found in the only monograph on A. Bitov written by Ellen B. Chances). The author tries to fill this gap by analyzing the features of the concept representation in the novel "Uletayuschij Monakhov". The concept of "the Other", in accordance with Zhil' Delez's and Feliks Gvattari's doctrine, is considered in the article in several ways: as a subject, object and "possible world". The study of the structure and semantics of the concept leads to the conclusion about the Other as a necessary condition for the understanding of the "I" by the author and the characters carrying the burden of "non-incarnation" in the novel. The nature of their relationship with the Other due to the intention not only to judge but to explore both themselves and their personality, to neutralize the

В. В. Цуркан

fictitious nature of their own existence. The article discusses the figurative, metaphorical, symbolic and axiological components of the concept. They are presented in the images of «twins», «fraternal rhymes» and similarities, perceived by Monakhov either as «the other» or as «his». The role of the principle of specularity is emphasized. It makes it possible to produce various variants of the fate of the main character and his lovers. The analysis of the influence of the phenomenon of the Other on the process of author's self-identification is important as well. The writer's self-identity doublet is the consciousness of the character of the novel, the texts created by A. Bitov earlier, and the post-Pushkin Russian literature, which appears in «Uletayuschij Monakhov» as a series of «pale prints» and copies.

Keywords: A. Bitov, concept analysis, the other, double, twin, possible world, consciousness, identity

Поступила в редакцию 10.04.2019